

ОСНОВНЫЕ ТЕМЫ ЭПИГРАФИКИ ОУЯН СЮ

Екатерина Степанова

Институт Востоковедения РАН, Санкт-Петербург

В предлагаемой вниманию читателя статье автор исследует надписи в жанре «ю цзи» («надписи путешественника») известного литератора и политического деятеля периода Северная Сун (968–1127) Оуян Сю (1007–1072). Во введении говорится о традиции надписей в Китае и особенностях жанра «ю цзи». Этот жанр был широко распространен в 11 веке, чиновники, перемещаясь по стране к новому месту службы, часто составляли надписи, чтобы украсить храм, школу, беседку, башню, парк. В наследии Оуян Сю около тридцати надписей в жанре «ю цзи», комментированные переводы некоторых из них приводятся в тексте статьи. Рамки статьи позволяют продемонстрировать темы, наиболее характерные для эпиграфики Оуян Сю, среди них взаимоотношение человека с природой, жизнь и нравы удаленных регионов, управление на местах, досуг благородного мужа.

Обычно, когда речь идет об эпиграфических памятниках, вспоминаются наиболее древние надписи на твердых материалах (эпиграфика от греческого *epigraphe* – надпись), например, на камне, металле, глине и др. Обычай вырезать надписи был распространен во многих странах древнего мира – в Египте, Вавилоне, Ассирии, Индии, Китае, Иране, Греции, Риме. Эпиграфические тексты дают обильный материал по политической, социальной и экономической истории, они являются важнейшим источником по изучению древней и средневековой истории. В Древнем Китае существовали надписи на кости, бамбуке, бронзе, камне. Можно смело говорить о том, что китайская эпиграфика самая многочисленная в мире, обычай составлять надписи сохранился и существует до настоящего времени. Еще в ханьское время в Китае возникает традиция вырезать канонические произведения на камне. К. К. Флуг упоминает одни из наиболее ранних стел с каноническими текстами, ханьские стелы в Лояне. В число текстов на стелах, выгравированных под руководством Цай Юна в 175–183 гг., входили «Шу цзин», «Ши цзин», «И цзин», «Ли цзи», «Чунь цю» и «Лунь юй»¹. Известны также танские «классики на камнях», сычуаньские классики, выгравированные на стелах в Чэнду в середине десятого века, и другие образцы. Надписи на стелах позволяли быстро тиражировать тексты и со временем стали прообразом книгопечатания с деревянных досок.

Эпиграфические памятники не ограничивались каноническими текстами. В Китае существуют музеи стел, в которых представлены надписи разного содержания, самым

¹ К. К. Флуг, *История китайской печатной книги сунской эпохи*, Москва–Ленинград, 1959, с. 27, 90.

известным из таких музеев считается «Лес стел» в Сиани (Сиань бэй линь). Надписи могли вырезаться не только на стелах, на любом строении, будь то школа, беседка, башня, ворота сада, могла быть надпись. Для составления надписи обычно приглашался авторитетный и литературно одаренный человек. Перед тем, как вырезать уже составленный текст на камне, обращались к известному каллиграфу, иногда использовалась каллиграфия автора текста, и по созданному каллиграфическому образцу текст выбивался в камне. Надпись могла и не выбиваться, а писаться на поверхности. К 11 веку помимо эпиграфических источников уже существовало большое количество литературных источников, эпиграфика этого периода давно утратила право называться единственным источником, дающим представление об эпохе, но была по-прежнему широко распространена.

Иероглифические надписи несут ярко выраженную эстетическую нагрузку. В китайской традиции любой образец искусства каллиграфии становился объектом эстетического любования. Более того, китайцы верили в магическую силу каллиграфической надписи и любого написанного слова. Письменность по представлениям китайцев принадлежит в равной степени и человеку, и природному миру. Семантическое поле иероглифа «вэнь» включает не только значение «письменность», но и значение «узор». В одном из главных памятников литературной мысли Китая «Резной дракон литературной мысли» (6 век) говорится: «Велика сила словесности (вэнь), ведь родилась она вместе с Небом и Землей!». Письменность возникает «вместе с Небом и Землей», восходит к «узору» светил на небе, гор и рек на земле, воспроизводит письмо самой природы, запечатленное в окраске насекомых и животных, сплетении линий на листьях и камнях, очертаниях водоемов и холмов². Она представляет собой синтетическое единство природы и культуры и получает законченное выражение в деятельности человека.

Эпиграфические тексты, о которых пойдет речь в данной работе, результат встречи естественного природного мира и человека культуры. В них наш герой описывает во многом новые для себя явления с позиций своего сложившегося мировоззрения. В данной статье речь пойдет об одном из видов надписей известного сунского поэта и идеолога Оуян Сю.

Автор статьи будет говорить о надписях «ю цзи» (надписи путешественника). Семантическое поле иероглифа «ю» включает в себя значения «путешествие, странствие, свободно перемещаться, странствовать». Этот иероглиф часто встречается в литературных произведениях, например, первая глава «Чжуан цзы» называется «Странствия в беспредельном» (Сяо яо ю) и состоит из нескольких притч, посвященных путешествиям. Великий сунский поэт Су Дунпо говорит о «странствии вне вещей» (ю юй у чжи вай) как о принципе жизни: «нет такого места, где бы я не

² В. В. Малявин, *Китай в 16–17 веках*, Москва, 1995, с. 122.

смог радоваться, потому что я странствую вне вещей». В данном случае «странствие» понимается как не привязанность к предметному материальному миру. В надписях жанра «ю цзи» мы встречаемся и с реальными прогулками авторов по горам и ущельям и со странствиями вне природного мира. «Ю цзи» оставались на том месте, где они были созданы, и украшали школу, беседку, сад, поэтому надписи этого жанра носят монументальный характер, как по форме, так и по содержанию. Любой человек, пришедший в место, украшенное надписью, мог насладиться красотой почерка, и оценить смысл, вложенный автором в произведение. «Ю цзи» являются пограничным жанром между официальной и народной литературой, они «несут культуру в массы». Этот жанр не связан с ведением дневниковых ежедневных записей, заметками путешественника, которые он ведет для себя и в которых отмечает то, что хочет запомнить. Таким жанром впечатлений, «записками на манжетах» если угодно, становятся «би цзи» (записки кистью), на русском языке они представлены в переводах И. Алимова³.

Тематика надписей «ю цзи» широка, они рассказывают о местности, об исторических героях, местных правителях, современниках автора, о географических местах, растениях, отдыхе на природе, образе жизни и нравах людей и т. д. И по сей день в Китае в каждом парке, в каждой беседке есть надпись. Самое краткое из возможных содержаний надписи: «Это сооружение построено в таком-то году по такому-то поводу». В большинстве надписей одиннадцатого века такая информация тоже обязательно присутствует, многие из «ю цзи» датированы с точностью до дня, некоторые одинаковы по своей структуре. Надписи этого жанра связаны с местами, которые посещал человек, они фиксируют географию жизни автора. В Китае, как известно, перемещения чиновника по стране связаны со службой, поэтому и география надписей в свою очередь связана с биографией человека. Содержание произведений отражает и внутренний мир, и канву жизненных событий автора, поэтому перед тем как приступить непосредственно к эпиграфическим текстам, остановимся на биографии Оуян Сю.

Биография Оуян Сю (1007–1072)

Оуян Сю жил в одиннадцатом веке. Его отец рано умер, и мальчик воспитывался в доме дяди, который служил в Суйчжоу (провинция Хубэй). В китайских детских книжках и поныне можно встретить легенду о детстве Оуян Сю, о том, как он учился писать тростниковой палочкой на земле. Эта легенда восходит к одному предложению в официальной истории, хотя оно и имеет скорее символическое, чем фактическое значение и обозначает, что Оуян Сю был самоучкой. Он достиг высокого положения,

³ И. А. Алимов, *Вслед за кистью. Материалы к истории сунских авторских сборников бицзи*, Санкт-Петербург, 1996.

занимаясь самообразованием. В то время Суйчжоу был отдаленным местом, и у Оуян Сю не было наставника. Книг было недостаточно, поэтому он пользовался большой коллекцией, собранной в семье друзей. Беспорядочно читая в этом заброшенном хранилище, он открыл для себя произведения танского литератора Хань Юя. Однако соревнование с Хань Юем в прозе древнего стиля не помогло Оуян Сю на государственных экзаменах.

Оуян Сю с первого раза не прошел экзамены, ему удалось сдать их в 1030 году в возрасте 23 лет. Замеченный за свой литературный талант Оуян Сю был назначен служить в Лоян, культурный центр того времени, где он знакомится с ведущими эссеистами и поэтами. Он постоянно оттачивал свое литературное мастерство и со временем стал неподражаемым стилистом. Оуян Сю считается одним из восьми великих писателей Тан и Сун (Тан-Сун бадацзя). Среди них он является центральной фигурой. После предшественников танского времени Хань Юя и Лю Цзунюаня Оуян Сю довел древний стиль до совершенства и возвел его до уровня государственных экзаменов. Он по-дружески относился или помогал другим мастерам Су Сюню, Су Ши, Су Чжэ, с Цзэн Гуном он был особенно близок, что касается Ван Аньши, то последний сожалел, что Оуян Сю был не согласен с ним в вопросе реформ, и глубоко переживал его смерть в 1072 году.

Оуян Сю был не только крупным поэтом. Как и подобает истинному конфуцианцу, он всю жизнь служил и активно участвовал в политической жизни страны. В 1036 году он поддержал реформатора Фань Чжуняня в его борьбе с цзайсяном Лю Ицзянем (978–1044) и был сослан в отдаленные ущелья на реке Янцзы. Там в Илине Оуян Сю был изолирован от литературной и политической деятельности, но он не прекращал работать над своими произведениями. Он посвящает себя занятиям литературой, историей и даже археологией. Его каталог по археологии «Цзи гу лу» стал работой монументальной и пионерской, которая усилила интерес к этой области, в нем были собраны материалы с периода Ранняя Чжоу до одиннадцатого века.

В 1043 году группировка Фань Чжуняня снова пришла к власти, и Оуян Сю вернулся ко двору. Через некоторое время Оуян Сю был обвинен и повторно сослан в удаленные районы на 9 лет. С 1054 года в связи с изменениями при дворе Оуян Сю опять начал постепенно подниматься по служебной лестнице. В середине пятидесятых годов одиннадцатого века Оуян Сю было поручено заняться исправлением официальной истории династии Тан. Вместе с Сун Ци он составляет «Новую историю Тан» (Синь Тан шу).

В 1057 году Оуян Сю было поручено возглавить государственную экзаменационную комиссию. Он превратил экзамены в сенсационное и эпохальное событие, настаивая на том, чтобы за образец прозы был принят текст в древнем стиле. Оуян Сю продолжил литературное движение за возврат к древности, начатое в танское время Хань Юем и Лю Цзунюанем. Он высоко ценил Хань Юя и считал его образцом для подражания, многие кандидаты не соглашались с ним, вступали в споры и до и после экзаменов,

толпа недовольных останавливала его на пути ко двору, выкрикивались оскорбления. После всего этого результаты экзаменов полностью реабилитировали Оуян Сю. Никто не оспаривал того, что успехов на экзаменах в том году добились необычайно талантливые кандидаты, среди них Су Ши и его брат Су Чжэ. Заслуга Оуян Сю в том, что проза древнего стиля в это время снова становится широко популярной.

В последующие годы Оуян Сю также занимает высокие государственные посты. В 1060–66 году власти снова оказались реформаторы 1043–44 годов, но упор ставился скорее на стабилизацию, а не на изменение. Благодаря жизненному опыту и взрослению, бывшие реформаторы теперь стали сторонниками постепенных мер. В связи с изменением политической ситуации в 1067 году Оуян Сю был снова обвинен и сослан в глухую провинцию. Через короткое время в 1069 году начинаются реформы Ван Аньши, Оуян Сю не поддержал реформатора и в 1071 году ушел в отставку. В следующем 1072 году он умирает⁴.

Оуян Сю жил в век политических реформ, в молодости он участвовал в реформаторском движении, позднее, в конце шестидесятых годов одиннадцатого века, он не примкнул к сторонникам Ван Аньши, возражая против решительных изменений. В своем политическом развитии он прошел путь от реформатора до консерватора. Нестабильность политической обстановки обусловила частые перемены в его жизни. Для нашего жанра переезды автора дают дополнительный материал. Оуян Сю интересен как автор и как личность. Родившийся в глухой провинции он стал столичным чиновником высшего ранга и идеологическим авторитетом конфуцианства. В тех местах, которые он проезжал, и где он служил, местные жители считали за честь иметь его произведения и его автографы. В свою очередь, он считал своим долгом распространять *дэ* императора на местах и преобразовывать окраины. Как профессионального историка его привлекали места исторических событий, те места, белые пятна в истории которых можно заполнить. Оуян Сю был крупным поэтом, обладал живым чувством природы и умением разделить свое состояние с читателем. Его произведения являются продолжением личности автора, отражают его жизненные позиции и богатый внутренний мир.

Основные темы эпиграфики Оуян Сю

В творческом наследии Оуян Сю всего около тридцати надписей относятся к жанру «ю цзи». Содержание надписи во многом зависело от того, для какого строения она предназначалась. Надписи в школе или храме носили более официальный характер, например, «Надпись в храме Конфуция» (Сянчжоу Гучэнсянь Фуцзы мяо цзи) и «Надпись в школе уезда Цзичжоу» (Цзичжоу сюэ цзи). Надписи, сделанные в частных владениях, в саду знакомого чиновника или в своей беседке для отдыха, напротив,

⁴ *Sung Biographies*, ed. by H. Franke, Wiesbaden, 1976, с. 808–816.

носят камерный характер. К таким памятникам относятся «Надпись в саду больших иероглифов» (Ю да цзы юань цзи), «Надпись в беседке, оплетенной зеленью» (Цун цуй тин цзи) и другие. В некоторых надписях содержатся элементы и официального и частного характера, к примеру, в «Надписи в павильоне Полная радость» (Фэн лэ тин цзи).

В «Надписи в павильоне Полная Радость» Оуян Сю рассказывает о том, что он был назначен управлять в отдаленный район. Место, где была сделана надпись, находится в современной провинции Аньхуэй. Текст начинается с того, что автор подробно описывает местность, где построен павильон. «Когда я стал пить воду из реки Чу, то она показалась мне сладкой на вкус», – пишет он. Оуян Сю стал расспрашивать местных жителей, и оказалось, что недалеко от Чучжоу, куда приехал автор, между горой Фэншань и глубоким ущельем из земли пробивается родник. В этом месте окружающий пейзаж радует душу, и вода реки становится сладкой из-за родника. «В том самом месте, где родник точит камень, на небольшом кусочке земли построен павильон, к которому я отправлялся на прогулки с местными жителями». В этом павильоне Оуян Сю думает о тех исторических событиях, которые происходили в этих местах. Для него природа и история неразделимы. Окружающий пейзаж одушевлен образами тех исторических персонажей, которые на этом же месте много лет назад смотрели на те же горы и ущелья и принимали исторические решения. Оуян Сю сожалеет о том, что старожилы, которые могли бы рассказать ему о событиях столетней давности, не осталось. Он смотрит на высокие горы и чистую воду, эти места помнят о прошедших событиях, но природа не раскроет тайн, не расскажет в подробностях о делах давно минувших дней, однако через нее можно ощутить дух и дыхание времени, приобщиться к величию предков.

Увлеченный историей Оуян Сю сам рассказывает читателю о том, что происходило в Чучжоу сто лет назад во время становления династии Сун. «Некогда император Тай Цзу из Северной Чжоу⁵ разбил 150 тысячное войско Ли Цзина под горой Цинлю шань. Он взял в плен генералов Хуан Фуюня и Тяо Фэна у восточных ворот Чучжоу и усмирил Чу. Занимаясь исследованием гор и рек этой местности, по картам и записям я нашел место, где были схвачены генералы Юнь и Фэн, но старожилы, которые могли бы рассказать об этом, не осталось, ведь в Поднебесной давно уже установился мир [...]». Именно здесь в районе Чучжоу будущий первый сунский император разбил войска своих противников и, хотя по китайским меркам сто лет совсем небольшой срок, в памяти народа не остается точных сведений, а сохраняются лишь легенды и поверья. Историческая память непрочна и недолговечна. Вместе со смертными людьми уходит и история, если историк не сумел сохранить ее для потомков. «Напрасно смотреть на высокие горы и чистую воду, если хочешь спросить о событиях, а тех, кто помнит об

⁵ Тай Цзу из Северной Чжоу – первый сунский император; Северная Чжоу – одна из 5 династий периода Пяти династий.

этом, уже нет», – сожалеет автор. Горечь сожалений он может разделить с природой – единственным живым, но молчаливым очевидцем прошедших событий. Природный, естественный мир накапливает в себе историческую память, хранит ее, но нет способа извлечь ее, заставить говорить понятным нам языком. Оуян Сю обращается к археологии, новой в то время науке, открывая для себя как для историка новые возможности, новые способы восстановить ход событий в их исторической перспективе.

Поговорив об историческом прошлом и недавней истории Чучжоу, Оуян Сю переходит к современному положению дел. «Нынче же», – пишет он, до этого места, расположенного между Янцзы и Хуайхэ, «лодки и повозки торговцев, гости из других областей не доезжают». Блестящий литератор, привыкший к общению в высших политических и литературных кругах, как чувствует себя наш герой в удаленном и захолустном месте? Он отдыхает. Отдыхает от сложности и перипетий придворной жизни, от ее условностей, когда каждое слово рано или поздно может быть использовано против тебя. Оуян Сю за свою жизнь неоднократно страдал за свои убеждения и политические взгляды, поэтому кому, как не ему, ценить спокойствие, умиротворенность жизни в отдаленной местности. Он пишет: «Народ не ведает того, что происходит за пределами их местности. Люди спокойно трудятся в поле, и так получают одежду и пищу. В радости они проводят жизнь и приходят к смерти. Кто из них знает, что все это заслуги и благая сила дэ государя? Они просто наслаждаются спокойствием, и так вот уже сто лет проводят свою жизнь». Жизнь народа проста, и люди даже не догадываются, что их счастливая жизнь – это заслуга государя.

С приходом к власти династии Сун во всей Поднебесной и в каждом отдаленном регионе установился порядок, как результат упорядочивающей силы дэ, распространяемой императором. В конфуцианской традиции власть на всех ее уровнях воспринималась как распространение вовне персональных качеств личности. Деятельность личности во властной структуре была направлена на изменение ситуации от хаоса к порядку. После того как порядок установлен, народ радуется жизни и не знает о том, что происходит вокруг. В этом случае и правитель радуется вместе с народом. Оуян Сю пишет: «Когда я приехал сюда, то радовался захолустности этого места и тому, как просто здесь ведутся дела. Я полюбил спокойные нравы местного населения». И далее: «Люди здесь радовались богатому урожаю и с удовольствием прогуливались со мной по живописным местам». Автор создает картину поистине райской жизни. На лоне природы в единении с ней проводят жизнь местные жители. Они и трудятся и отдыхают, вместе со своим правителем наслаждаются природой. «[...] Вместе с чувствами приходил я к источнику в горном ущелье, поднимал голову вверх и смотрел на горы, опускал голову вниз и слушал источник. Я впитывал таинственные ароматы, смотрел на тени высоких деревьев. При ветре, инее, льде и снеге зимой в этих местах четко прорезались чистота и изящество. Среди пейзажей четырех сезонов не было такого, который бы мне не нравился».

Наслаждаться вместе со своими подчиненными природой Оуян Сю считает своей прямой обязанностью. Он пишет: «Распространять милостивое влияние императора и радоваться вместе с народом я считаю своей обязанностью». Идея о том, что благородный муж должен радоваться вместе с народом восходит к Мэн-цзы, и именно его фразу «юй мин гун лэ» использует Оуян Сю. В предпоследней строке автор пишет, что составил надпись, чтобы дать название павильону. В последней строке надписи дается датировка, имя и должность автора. Эта надпись датирована шестым лунным месяцем года *бинсю* (6-ой год) годов правления Цинли (1041–48). Она относится к периоду первой ссылки Оуян Сю, по содержанию мы видим, что автор находит в уединении вдали от цивилизации новые радости в жизни. Так как радоваться с народом – обязанность правителя, и местный правитель Оуян Сю исправно выполнял свои обязанности, и в этом павильоне проводил время и радовался вместе со своими подчиненными, то поэтому павильон и получил название «Полная радость»⁶. Описанная Оуян Сю утопическая жизнь вызывает в памяти «Персиковый источник» Тао Юаньмина. У Тао Юаньмина один рыбак плыл на лодке и случайно нашел чудесное селение, где все жители счастливы, потом, сколько люди не искали это место, не могли найти его и все время сбивались с дороги. Люди же в том селении живут разобщенно с внешним миром и не хотят возвращаться назад. И Оуян Сю пьет сладкую воду из чудесного источника и не ищет обратную дорогу.

В «Надписи в храме Конфуция в уезде Гучэнсянь в Сянчжоу» Оуян Сю сначала говорит о положении дел в древности, описывает древние ритуалы, потом постепенно доходит до сунского времени, далее он рассказывает о деятельности местного правителя Ди Цинли. Основные структурные блоки совпадают с рассмотренной выше надписью: положение дел в древности, далее положение дел при Сун и дела местного чиновника. В надписи в павильоне дополнительно дается описание местности и процесс любования природой, этих элементов в надписи в храме нет, зато дается описание ритуалов, то есть опять-таки говорится о функциональном использовании сооружения.

В этой надписи одна из важнейших тем – это тема образования. Оуян Сю объясняет, откуда вообще появились подобные храмы. «На рубеже Суй и Тан повсюду в Поднебесной в округах и уездах организовали школы. Определили учителей и студентов. Древний ритуал поднесения кубка был восстановлен по приказу свыше. Но вскоре после этого школы в округах и уездах пришли в упадок. Что касается ритуала подношения кубка, чиновники следовали приказу и продолжали выполнять его, поэтому он не пришел в упадок. Школы пришли в упадок, и негде было приносить жертвы, поэтому построили храмы, чтобы в них отправлять ритуалы»⁷.

⁶ *Тан Сун ба да цзя саньвэнь сюань*, 2001, с. 107–108.

⁷ *Тан Сун ба да цзя цюань цзи*, Пекин, 1997, с. 994.

По мнению автора, главный и первоначальный храм, в котором приносятся жертвы Учителю, – школа. Оуян Сю необычайно высоко оценивает роль системы образования в жизни общества. Например, в «Надписи в школе уезда Цзичжоу» он пишет: «Школа – основа государева правления. В древности на расцвет и упадок правления смотрели как на усиление и ослабление образования». В «Ли цзи» говорится: «Если в государстве есть школы, то есть и порядок. Во времена расцвета при трех династиях в селениях были сельские школы, в семьях были домашние школы. Это наивысшая полнота системы обучения»⁸.

Также как и в предыдущей надписи, от древности автор переходит к периоду установления династии Сун: «С тех пор как установилась Великая Сун, прошло уже восемьдесят лет. Сейчас в Поднебесной все спокойно, восстановлен конфуцианский ритуал и музыка. При помощи Просвещенности династия достигла Великого спокойствия Тайпин»⁹. В таком структурном построении проявляется характерное для общественного сознания той эпохи противопоставление древности и современности. Оуян Сю говорит сначала об идеальном состоянии дел в древности, далее временном упадке, а потом о восстановлении ритуалов древности и упорядочении миропорядка при Сун. Выражая свою лояльность по отношению к правящей династии, Оуян Сю объясняет, почему он находится на государственной службе. Благородный муж *цзюньцзы* должен искать встречи с достойным правителем и реализовать себя на службе, но если такая встреча не произошла, образованный конфуцианец не участвует в управлении.

Спокойствие на местах обеспечивается Просвещенностью династии, распространением *дэ* императора, немалую роль играют и чиновники на местах. Когда в Гучэн был назначен Ди Цзюньли, первое, что он сделал, приказал отремонтировать храм Конфуция. В результате этого, вся молодежь преуспела в учении.

Перед назначением господина Ди, в Гучэне управление давно пришло в упадок. «Ди Цзюньли после приезда за год наладил управление и смог соответствовать государственному образцу. Он исправил практику ритуала и обеспечил успех учению. Быстро устранил недочеты в работе чиновников... Воистину, он может быть назван благородным мужем, имеющим устремления»¹⁰. Здесь перед нами предстает образцовый государственный муж, который, приехав на новое место службы, в короткий срок исправил ситуацию. Первое, с чего он начал, – это восстановление древнего ритуала и школ. Именно эти действия позволили местному правителю в короткий срок наладить управление.

Образы местных управленцев часто встречаются в надписях «ю цзи». Проезжая по стране к новому месту службы, Оуян Сю знакомился с чиновниками и по их просьбе

⁸ Там же, с. 996.

⁹ Там же, с. 994.

¹⁰ *Тан Сун ба да цзя цюань цзи*, Пекин, 1997, с. 994.

составлял надписи. Почти каждый текст рассказывает нам о человеке, для которого он был составлен. Например, в «Надписи в южном саду хайлиньского Сюйчжи» (Хайлинь Сюйчжи нань юань цзи) автор рассказывает нам о добродетелях хозяина сада. В «Надписи в павильоне Чжоу цзинь в округе Сянчжоу» (Сянчжоу Чжоу цзинь тан цзи) Оуян Сю не только говорит о судьбе отдельного человека, но и рассуждает о том, каким должен быть образцовый конфуцианец. «В роду покойного Чжи Ханьци из округа Сянчжоу все обладали благой силой дэ [...]. Сам господин Чжи в молодости прошел экзамены и стал высоким сановником. Все вокруг считали, что он превосходит остальных, и так продолжалось много лет. Высокие должности, богатство и славу, Чжи Ханьци получил легко...»

В своих произведениях Чжи писал, что для того, чтобы прославиться, нужно помогать людям, а не восхвалять себя. Личные достоинства этого господина и его отношение к богатству и почестям позволяли ему служить и не менять своего поведения в спокойное время и в минуты опасности. По мнению Оуян Сю, он был спокоен, как гора Тайшань, и может быть назван настоящим государственным мужем. «Одного знамени на чиновничьей повозке недостаточно для славы, церемониальной одежды чиновника еще недостаточно для того, чтобы оказывать ему почет, лишь работа во благо народа и труд во имя государства, позволяют выгравировать имя покойного господина Чжи Ханьци на металле и камне, и воспеть его в стихах для того, чтобы просветить потомков, и чтобы предание о нем не кануло в Лету. Все ученые мужи должны следовать его благородным устремлениям. Так разве достаточно восхвалять господина Чжи лишь в течение короткого времени и не распространять его славу за пределами его родного округа!»¹¹. Для Оуян Сю важным является сохранить сведения о достойном человеке, поэтому хотя он никогда и не был в Сянчжоу, читая стихи Чжи Ханьци, он радовался его благородным устремлениям и успехам и составил эту надпись¹².

По надписям «ю цзи» мы знакомимся не только с деятельностью чиновников на местах, но и с тем, как они проводили свой досуг.

Господин Лю Цзюнь недалеко от места службы в Лояне построил «Оплетенную зеленью» беседку для отдыха и попросил Оуян Сю составить надпись. Оуян Сю начинает «Надпись в беседке, оплетенной зеленью» с описания окрестностей города, тех мест, которыми можно любоваться из беседки.

«В каждом из девяти округов есть знаменитые горы, Лоян же находится в центре Поднебесной. При Чжоу и при Хань Лоян был столицей. С древности среди всех городов он занимал место государя. Окружающие его горы высоки и величественны, реки глубоки и прекрасны. Жители всех государств обращали взоры к Лояну.

¹¹ Тан Сун ба да цзя саньвэнь сюань, 2001, с. 102.

¹² В тексте надписи, говоря о Чжи Ханьци, Оуян Сю использует слово «гун» – покойный.

К востоку и югу от города близлежащие горы Цюесай, Ваньань, Хуаньюань, Коуши, – все они соединены с горой Суншань, от головы и до хвоста хребты, изгибаясь, протянулись на сто ли. Из-за того, что эти горы высоки, из города их можно видеть. Из многочисленных склонов, некоторые видны, а некоторые нет, и лишь гора Суншань – самая далекая из всех, одиноко стоящая, и обрывистая, возвышается красиво, выше других горных пиков и не может скрыться из вида. Она известна тем, что там проводятся ритуалы. Это одна из четырех гор, к которым император ездит поклоняться, она очень почитаема. Суншань и высокая, и великая, и особенная.

Если из города смотреть вдаль, то гора Суншань видна. То место, где живет *сюндяньшу*¹³, расположено в северной, самой высокой, части города (оттуда видно лучше всего). Лю Цюнь, когда приступил к выполнению служебных обязанностей, в юго-западном углу надстроил и увеличил здание, и на самом высоком месте построил беседку, из которой открывается вид на юг и север, чтобы смотреть вокруг, оглядывать горы и окрестности, обрывистые склоны и ущелья, непрерывные, связанные между собой. На низкое отсюда можно смотреть сверху вниз, высокое так близко, словно можно коснуться рукой, беседка словно поднимается, горы, словно останавливаются, по ним можно прогуливаться во всех направлениях. Падающие склоны, удивительные ущелья, некоторые, словно они бегут, другие, словно присели на корточки, некоторые, словно борются друг с другом, другие, словно прислонились друг к другу. Среди людей говорят, что на южном склоне горы Суншань 36 пиков, все они видны из беседки. Из-за того, что перед беседкой возвышаются изумрудно-зеленые, оплетенные зеленью склоны, ее и назвали «Оплетенной зеленью» беседкой Цунцуй тин. Когда строительство было завершено, Ли Цюнь с гостями, с вином и едой, поднимались в беседку и проводили там время. В древности их назвали бы просветленными, теми, кто вдохновлено смотрит вдаль!»¹⁴.

На лоне природы в кругу друзей проводили свой досуг благородные люди. Идея искать красивые места и уединяться для того, чтобы «пообщаться» с природой, стала популярна у поэтов с конфуцианским образованием и склонностью к даосизму в эпоху Шести династий. К одиннадцатому веку эта традиция прочно укоренилась. Если ученый служил в большом городе, или здоровье не позволяло ему подниматься в горы, он покупал пейзажный свиток и путешествовал, не выходя из дома. Именно к 10–11 веку, на рубеже эпохи Пяти династий и Северной Сун основным жанром китайской живописи становится монументальный пейзаж. Главным объектом изображения в космическом пейзаже эпохи Северная Сун была гора. Склоны, ущелья, растительность, – части мира горы, которая доминирует в пейзаже. В знаменитом эстетическом трактате 11 века «О высокой сути лесов и потоков» многие отрывки посвящены горе и перекликаются описанием горы Суншань Оуян Сю. Автор трактата

¹³ Сюндяньшу – название должности чиновника.

¹⁴ *Чжунго ю цзи саньвэнь да си*. 2002, с. 54.

Го Сы пишет: «Гора выглядит определенным образом, если смотришь на нее вблизи, и иначе – с расстояния нескольких десятков миль. С каждого из расстояний она смотрится по-другому. Это то, что называют «форма горы меняется с каждым шагом». Лицевой склон горы выглядит определенным образом, дальний склон – иначе, боковой склон тоже другой. С каждой точки зрения открывается новый вид горы. Это называется «созерцание каждого из склонов горы». Таким образом, одна гора выражает одновременно формы тысячи других гор [...]. Горы весной и летом выглядят не так, как осенью и зимой. Об этом говорят «пейзаж четырех сезонов неодинаков». Утром горы выглядят не так как вечером, в облачную и ясную погоду они разные. Об этом говорят «изменения утренние и вечерние неодинаковы». Так одна гора одновременно выражает образы нескольких тысяч гор»¹⁵.

В отличие от горы Суншань, гора Го Сы – обобщенный образ, из природы перенесенный на свиток, при этом принцип созерцания, описания, путешествия остается одним и тем же. Природа в традиционной китайской культуре равна Космосу. Для того чтобы произошла встреча человека с космосом, космос должен был превратиться в зримый пейзаж. В процессе превращения китайский поэтический и живописный пейзаж не утрачивал масштаба и всеобъемлющего характера космоса¹⁶. Созерцание такого пейзажа становится духовной практикой и дает человеку ощущение безграничной свободы, единства с природой, оторванности от мирской жизни.

Величественный образ горы Оуян Сю также использует для характеристики благородного мужа, он пишет, что Чжи Ханьци был спокоен, как гора Тайшань. Чтобы описать достоинства человека, Оуян Сю уравнивает его с природой и тем самым ставит на одну ступень с вечностью. Человек и природа живут в разных временных измерениях. Каждую осень на склонах горы распускаются, а потом опадают с деревьев листья, люди приходят в этот мир и уходят из него, а гора Тайшань с древности и до сегодняшнего дня сохраняет свое величие. Человеческая жизнь и история являются частью Природы и Космоса. Своей грандиозностью Природа нивелирует все созданное человеком, она стирает историю. Как историку Оуян Сю трудно с этим смириться, поэтому его взаимоотношения с природой неоднозначны.

На примере нескольких приведенных надписей «ю цзи» можно говорить о том, что в надписях этого жанра наиболее четко проявляются отдельные грани взаимоотношений с природой, такие как природа и культура, природа и история, природа и человек. Из надписей Оуян Сю мы узнаем о жизни и нравах народа в удаленных регионах, о характере управления на местах, о соотношении государственной службы и свободного досуга в жизни благородного мужа. Перед нами предстает галерея образов чиновников

¹⁵ Stanley Murashige, "Rhythm, Order, Change, and Nature in Guo Xi's Early Spring", *Monumenta Serica* 43, 1995, p. 337–364.

¹⁶ А. С. Мартынов, «Конфуцианская личность и природа», *Проблема человека в традиционных китайских учениях*, Москва, 1983, с. 184.

управленцев. В надписях этого жанра выведены их положительные черты, и мы можем составить идеальный образ чиновника конфуцианца в представлении Оуян Сю. Учитывая, что Оуян Сю был идеологом и крупным сановником своего времени можно утверждать, что созданный им образ в общих чертах соответствовал идеалу, сформированному в общественном сознании того времени. Помимо героев современников, мы встречаем персоналии прошлого. В их выборе автор менее свободен, он привязан к географическому месту, но спектр персонажей даже шире, мы встречаемся с генералами, императорами, отшельниками.

Рамки данной статьи позволили продемонстрировать наиболее характерные для эпиграфики Оуян Сю темы. Первые надписи «ю цзи» относятся к периоду Северная Вэй (386–534 гг.), довольно популярными они становятся в танское время (618–907 гг.). В творческом наследии каждого крупного сунского автора есть «ю цзи». Те темы, с которыми мы встречаем у Оуян Сю, были актуальны для Су Ши, Цзэн Гуна и других литераторов одиннадцатого века.

THE MAIN THEMES OF OUYANG XIU'S EPIGRAPHY

Jekaterina Stepanova

S u m m a r y

The article investigates some “you ji” – “inscriptions of traveller” by Ouyang Xiu (1007–1072), a poet and official of the Northern Song Dynasty in China (968–1127).

The article opens with a brief description of the tradition of inscriptions in China and the peculiarities of inscriptions “you ji”. This genre was widely popular in the 11th century, Confucian officials wrote inscriptions on their way to employment places in provinces. Temples, schools, harbours, towers, parks were decorated with such kind of inscriptions. Usually a famous literary man was invited for writing. In Ouyang Xiu's heritage there are about thirty inscriptions “you ji”. Translations with comments of some texts are included. The main themes of Ouyang Xiu's inscriptions deal with relations between person and nature, customs of remote places and provinces, historical persons and the author's contemporaries.

[teikta 2003 m. lapkričio 18 d.]